

Твердислава и князь Рамир

Как у князя у Мстислава Тмутораканского от жены его Светланы — красавицы что родилась дочь Твердислава княжна. Полюбила она, когда в возраст пришла, своего двоюродного брата, князя храброго. А по имени его Рамиром звать. А и князю Мстиславу то не пондравилось; а княжна в Рамире души не чаяла. А мать Рамирова призывает в некий день к себе, дает ему свое благословение, навеки нерушимое, чтоб он с Твердиславой подбрее был и, как добрый молодец, невесту добыл: увези ты ее далече в Косоги да не сбейся с пути-дороги! Рамир так и учинил; ночь выбрал потемней, привел к Твердиславину терему двух добрых коней; сели и поехали в Косожскую Землю.

И ехали они на тех на добрых конях денно и ночью двое суток; и стала Твердислава силой изнемогать; просит она пообождать в темном бору на прекрасной поляне; а на той поляне терем стоит. И выходит из того терему древней старец, сухой такой — кожа да кости; и просит пожаловать к нему в гости. Они не вошли в послушание; пили, ели, всячески прохлаждались, потчиванья не дождались, и на том пиру на честном заснули богатырским сном.

А раным-ранехонько проснулся Рамир от хлада великого и узрел себя лежаща не в богатом терему: на пустом холму; а того терема словно и не бывало; того старца не стало; Твердислава такожде не обретается; едина надпись на том камне читается, на коем глава его при просонках лежала: «Твердислава от тя, княже, с вихрем убежала. Громким посвистом посвищи, за пазухой у себя сей девки не ищи, а скачи во темной нощи отселева далече — на ростовское вече, где собирается дубовый народ¹, галдит во весь рот». Обаче Рамир знаменья сего не послушался, в Тмуторакань обратно поспешил: не тамо ли Твердислава очутилася? И ни мало не проведал про свою невесту, пришел к тому месту, аки человек божей, калека (калика) перехожей. Сведаль токмо, што княгиня Светлана по дочери слезно тужит да по дочке панихиды служит, раздает поминки по монастырям — мощам староявленным и невзначей православным. А в ту пору как она сие творила, — Мстиславина рать град Ростов покорила. Сказывал мне о том дядюшка Гаврила.

Князь Мстислав нашим градом завладел, получил в оном свой удел. А спустя некое малое время Твердислава очутилась в лесу близь Лехты-реки; и поведали мне ростовские мужики, што ее туда словно вихрем перенесло — перетянуло, за тыщу поприщ словно лебязий пух, перемахнуло — во ростовские во темные леса. Таковы-то бывали в старину чудеса! А в том великого чуда нет, што Светлане опротивел белый свет без князя Рамира; и кликнула она клич для всего мира, штоб всяк нищ и убог приходил в ея светлый терем-чертог за кормом и златою казной.

И в некий день подошел к ней человек божей, калека (калика) перехожей, протянул руку за святую милостыню; а Твердислава-то и узрела на руке своей обручальной перстенек. — «Здравствуй, дескать, нареченный муженек! Поцелуемся — помилуемся!» — Стали они целоватися, миловатися с глазу на глаз во Твердиславином терему високом, гляючи друг на друга умильным оком, не поворачиваясь боком. Как Рамир сахарныя уста отведал, так заобычно (зычно?) и поведал, што он теперечи не Рамиром стал; христианское имя достал. Юрьем звать приходится. Опосле наладилось промеж них, как водится. Повенчались. А на том на свадебном пиру мы опричь не угощались...

1 Предание гласит, что великая княгиня Ольга, будто бы, назвала ростовцев дубовым народом.